

Принял:

Директор муниципального бюджетного учреждения культуры «Пошехонская централизованная библиотечная система»

_____ Н.Г. Масалова

Сдал:

Генеральный директор
ООО «Локус консалтинг групп»

_____ А.Ю. Данилов

**Результаты исследований, проведенных в рамках проекта
«Как Пошехонца в Пошехонье поселить»,
реализуемого на средства
гранта Президентского фонда культурных инициатив**

Ярославль

2022

Сведения об авторах

Данилов Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, магистр туризма, генеральный директор Консультационно-аналитического центра «Локус Консалтинг Групп», заведующий кафедрой регионоведения и туризма Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, руководитель проекта.

Иванова Ирина Евгеньевна – специалист по маркетингу, исполнительный директор Консультационно-аналитического центра «Локус консалтинг групп».

Коршунович Марина Сергеевна – аналитик.

Федорова Елена Алексеевна - доктор филологических наук, профессор, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (глава «Пошехонец в народной культуре и литературе»)

Шустрова Ирина Юрьевна - кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (глава «Пошехонская старина: будни и праздники (на материалах XIX- первой трети XX веков)»)

Оглавление

Результаты проведения опроса жителей Пошехонского района	4
Итоги проектного семинара «Идентичность и комплексы как ресурс развития территории. Актуализация литературного и этнографического наследия края»	17
Пошехонская старина: будни и праздники (на материалах XIX - первой трети XX веков)	22
Пошехонец в народной культуре и литературе	52
Духовная культура Пошехонья	52
Обряды и народное искусство	54
Семантические группы в диалектной лексике	57
Пошехонские сказки	57
Вепский «след» в культуре Пошехонья	61
Литература Пошехонии	63
Выводы по исследованию	70
Библиография по теме «Пошехонье и Пошехонский уезд»	77
Библиография по теме «Литература Пошехонии»	89
Приложения	91

Пошехонская старина: будни и праздники (на материалах XIX - первой трети XX веков)

Планомерное и целенаправленное соби́рание материалов по этнографии началось в России в конце 40-х гг. XIX в. Отделение этнографии Русского Географического общества (далее - РГО), организованного в 1845 г., ставило перед собой задачу изучения "наречий, нравов, обычаев разных народностей и в особенности ... бытовых сторон русского народа". Серьезное значение для активизации местной общественности по сбору материалов имела программа-наставление для соби́рания этнографического материала, подготовленная в 1847 г. РГО. Программа состояла из семи разделов, каждый из которых имел подробные разъяснения относительно характера сведений, желаемых для получения Обществом².

В 1853 г. было выпущено второе издание программы, которое рассылалось в основном по двум каналам: церковного управления и народного образования³. Прибегнув к такому способу рассылки программ, Общество стремилось обеспечить сбор материалов людьми, близко знакомыми с жизнью народа, - приходскими священниками и учителями, прежде всего. К 1853 г. число полученных с мест рукописей достигло 2 тысяч. В том же году началась публикация «лучших из присланных описаний» в виде серии «Этнографических сборников». Публикация, посвященная Пошехонскому уезду, представлена во втором выпуске⁴. Автором материала был священник с. Давшино Алексей Федотов Архангельский⁵. Приход с. Давшино включал деревни Зуевское, Бабарино, Давыдково, Шарапово, Пиголово, Раткино при р. Конгоре.

Материалы младшего брата Алексея Архангельского – Василия – опубликованы не были. Они хранятся в собрании Архива Русского Географического общества. Между тем они интересны и как иллюстрации к труду А. Архангельского, и как самостоятельный источник⁶. Сведения о Василии Архангельском находим в «Клировых ведомостях церковей сел Пошехонского уезда» за 1850 г. Служивший в с. Ермаково с 26 августа 1844 г. священник Василий Федотов Архангельский закончил курс в Ярославской семинарии. 22 февраля 1841 г. архиепископом Евгением он был рукоположен «во священника» в церкви Преображения Господня в селе Спасское, что в Патраболе⁷.

Важная роль в деле соби́рания сведений принадлежала Обществу любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее – ОЛЕАЭ) при Московском университете, которое было создано в 1864 г. «Желая по мере сил своих содействовать успеху изучения родной страны»⁸, Общество в 1887 г. составило и разослало на места две программы: «Программу для соби́рания сведений о юридических обычаях» и «Программу для соби́рания этнографических сведений». Последняя состояла из 10 разделов и

² ГАЯО. Ф.230. Оп.5 т.1 Д.471. Л. 1.

³ *Титова З.Д.* Этнографическая библиография в изданиях Русского Географического общества (1845 - 1919) //Очерки по истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 9. М., Изд-во АН СССР, 1982. С. 34.

⁴ *Архангельский А.* Село Давшино Ярославской губернии Пошехонского уезда // ЭС. Вып. 2. СПб., 1854. С. 1-80 (далее – ЭС).

⁵ РбФ ГАЯО. Ф. 362. Оп. 2. Д. 225. Л. 403.

⁶ Архив РГО (далее – АГО). Р. XLVII. Оп. 1. Д. 28, 33, 40, 47.

⁷ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 2. Д. 910. Л. 36об.; см. также: РбФ ГАЯО. 362. 2. 227. Л. 478.

⁸ Программа для соби́рания этнографических сведений, составленная при этнографическом отделе ОЛЕАЭ. М., 1887. Введение.

содержала 1701 вопрос. Часть собранных сведений впоследствии была опубликована в журнале ОЛЕАЭ «Этнографическое обозрение».

Активным корреспондентом ОЛЕАЭ стал уроженец Пошехонского уезда Алексей Васильевич Балов⁹.

Отдельные сведения, характеризующие крестьян уезда, находим в публикациях «Ярославских губернских ведомостей», «Северного края» и «Живой старины»¹⁰.

В конце XIX в. была предпринята еще одна попытка сбора этнографических материалов – это была деятельность В.Н. Тенишева. Составляя программу для изучения крестьянского населения Центральной России и считая, что «каждому администратору необходимо иметь сведения о поступках и поведении управляемых», Вячеслав Николаевич Тенишев предполагал на основе анализа материалов, собранных по программе, написать двухтомное сочинение «Быт великорусских крестьян-землепашцев». Для формирования комплекса материалов в Санкт-Петербурге В.Н. Тенишев создал собственное Этнографическое бюро, благодаря усилиям корреспондентов¹¹ которого сформировался прекрасный комплекс источников для изучения Пошехонского уезда¹².

Описания, рисунки¹³ или фотографии¹⁴, являясь прекрасным визуальным источником, не в состоянии заменить собой саму вещь, сам предмет. Именно поэтому столь важны музейные собрания, сохраняющие памятники традиционной культуры. Экспедиционные сборы на территории Ярославской области производились сотрудниками как центральных, так и региональных музеев¹⁵.

⁹ *Комелина Н.Г.* Балов Алексей Васильевич // Русские фольклористы: Библиографический словарь. XVIII-XIX вв.: в 5 т. / [под ред. Т. Г. Ивановой]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2016.–Т. 1: А-Г.– С. 220-229.

¹⁰ *Волков П.Д.* Водога (этнографический очерк) // ЯГВ. 1869. 6 ноября. № 45. С. 3; *Всесвятский Д.* Из быта чудаков (рассказ крестьянина) // ЯГВ. 1886. 25 марта. № 24. С. 6; *Ильинский Я.* Свадебные причеты, детские песни и проч., записанные в Щетинской, Хмелевской и Меленковской волости Пошехонского у. // Живая старина. 1896. Вып. 2, Отд. II. С. 226—241; *А.Т. Верования в знахарей и ворожбу у крестьян в Пошехонском уезде. Этнографический очерк// Северный край. 1899. № 100.*

¹¹ *Шустрова И.Ю.* Корреспонденты «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева из Ярославской губернии // XIII Золотаревские чтения. Материалы научной конференции (26 октября 2010 года). Т.2. Рыбинск, 2010. С. 118-126.

¹² Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы "Этногр. бюро" князя В. Н. Тенишева / М-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации, Федер. агентство по культуре и кинематографии, Рос. этногр. музей ; науч. ред.: Д.А. Баранов, А.В. Коновалов. – СПб. : ООО Навигатор, 2006. - Т. 2 : Ярославская губерния, ч. 1 : Пошехонский уезд / [авт.-сост.: И. И. Шангина и др.]. - 2006. - 607 с. (далее – РЖБН).

¹³ "Диван русского быта", 1850-е, Рыбинск / [Благотворительный фонд В. Потанина] ; [авт. ст. Сергей Овсянников]. – М.: Проектное бюро Спутник, 2012. С. 20.

¹⁴ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы: материалы "Этногр. бюро" князя В. Н. Тенишева / М-во культуры и массовых коммуникаций Рос. Федерации, Федер. агентство по культуре и кинематографии, Рос. этногр. музей ; науч. ред.: Д. А. Баранов, А. В. Коновалов. – СПб. : ООО Навигатор, 2006. - Т. 2, Ч. 2.- 2006. С. 438-468.

¹⁵ Каталог поступлений историко-бытовой экспедиции музея в Пошехонский район Ярославской области (июнь-июль 1959 год). Рыбинск, Рыб. Типография Ярославского совнархоза, 1959. 44 с.; *Фалеева В.А., Панышина Н.Н., Богуславская И.Я.* Экспедиции в Ярославскую область // Сообщения ГРМ. Л., 1961. С. 60 – 66; *Круглова О.В.* Русская народная резьба и роспись по дереву. : Альбом : Из собрания Загорского Государственного историко-художественного музея-заповедника. М., Изобразительное искусство, 1974; *Лаврентьева Л.С.* Ярославские коллекции в фондах музея антропологии и этнографии имени Петра Великого // Кунсткамера. – СПб, 1993. – Вып. 1. – С. 114-118; *Шустрова И.Ю.* Историко-бытовые экспедиции музея-заповедника в последней трети XX века // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: Материалы научной конференции, Ярославль, 21—22 октября 2011 года. Ярославль, 2012. С. 191-206; *Баранова О.Г., Седых В.Н.* Коллекции по традиционной культуре русского народа Ярославской губернии в собрании Российского Этнографического музея // XVI Тихомировские краеведческие чтения: К 100-летию революций в России: материалы научной конференции. Ярославль, 19-20 октября 2017 года. – Ярославль, 2019. –С. 159-185.

В частности, в 1939 г. в фонды областного краеведческого музея (ныне – Ярославский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник) поступила коллекция, отражающая деятельность Пошехонье-Володарской промысловой артели «Красный золотобой». Это инструменты и оборудование для изготовления сусального золота, потали и алюминия: щипцы для зажима уголков книжки, напалки, кожух, лента медная и пр.¹⁶

Вопрос о древнейшем прошлом Пошехонья и об этнической истории севера Ярославской губернии в настоящее время можно считать открытым¹⁷. Археологически эта территория исследована недостаточно, отдельные публикации по средневековой истории касаются феодальных владений¹⁸. Заслуживает упоминания мнение И.В. Власовой относительно сложности этнического состава региона: «Новгородцы и ростовцы, с которыми было связано формирование русского населения Севера, хотя и представляли собой земельные областные общности, относящиеся к одному этносу, тем не менее, сами с этнической точки зрения имели смешанное происхождение, ибо жили и развивались в различных природных и хозяйственных условиях и при расселении в Восточной Европе, в том числе и по Северу, сталкивались с различными группами финно-угорского происхождения»¹⁹. Дальнейшее исследование этого сюжета требует привлечения новых источников, в том числе, топонимических²⁰.

Отмечая наличие множества белых пятен в историческом прошлом Пошехонского уезда, обратимся к характеристике хозяйства, бытового уклада местного населения, установленного порядка жизни в будни и праздники в середине XIX – первой трети XX в.

Природные условия всегда были благоприятны для развития в Пошехонском крае сельского хозяйства и связанных с ним производств. В конце XIX - начале XX в. в Пошехонском уезде имелось множество «заводов» маслобойных и маслодельных, сыроваренных, крупяных, кожевенных и овчинных, а также мельниц, виноделен, лесопилен и др. Широко распространенным занятием было выращивание и обработка льна (оно охватывало почти все население края, особенно женщин). С XVIII в. здесь известен также такой редкий промысел, как золотобойный.

¹⁶ Коллекция Ярославского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Далее – ЯМЗ. ЯМЗ-37686/13-35.

¹⁷ Кузнецов А.В. Об историко-географических центрах освоения этносов вепси и лопь в I тыс. н.э. (по данным топонимии) // Антропогенные преобразования природы Севера Европейской части СССР. Вологда, ВГПИ, 1990. С. 71-83.

¹⁸ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М.: Наука, 1984; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV-XVI вв.). М.: Мысль, 1985; Капитанов С. М. Из истории русского средневекового источника. Акты X-XVI вв. М.: Наука, 1996; Грязнов А.Л. Картографирование территории Белозерского, Вологодского и Пошехонского уездов по материалам писцовых описаний XVI-XVII вв. // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI-XVII веков». К столетию со дня рождения П.А.Колесникова. М., 2008. С. 107-113.

¹⁹ Власова И.В. Этническая история и формирование населения Русского Севера // Этнопанорама. 2005. № 1-2. С. 39.

²⁰ Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970; Дубов И. В. Культурные камни Ярославского Поволжья // Новые источники по истории Древней Руси: Учебное пособие. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. — С. 101—106; Альквист А. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 22–36; Матвеев А.К. Мерянская топонимия на Русском Севере — фантом или феномен? // Вопросы языкознания. — 1998. — № 5. — С. 96–103; Альквист А. Меряне, не меряне... // Вопросы языкознания. 2000. №2. С. 15–34; 2000. №3. С. 83–96; Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. IV. Топонимия мерянского типа / А. К. Матвеев ; сост., науч. ред. О. В. Смирнов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015.

Вековые традиции позволили сформировать особую культуру жизнеобеспечения, которая включала не только обработку земли, но и умение пользоваться дарами природы. Крестьянские хозяйства были хозяйствами, основанными на ручном труде и тягловой силе животных. Необходимые работы выполнялись отдельной семьей, как правило, без применения наемного труда. Каждое хозяйство имело определенное количество земли. В пореформенном Пошехонском уезде средний размер крестьянской усадьбы составлял 31 десятину. Собственно усадьба занимала 3,8% всей площади, пашня - 28,8%, выгон - 16,5%, сенокос - 21%, лес - 14,4%, неудобные земли и пустоши - 15,5%. Таким образом, пахотные земли составляли 5-6 десятин на двор²¹. Подавляющее большинство крестьян губернии были на оброке. Согласно анализу уставных грамот, 85,38% пошехонских крестьян были оброчными, 14,62% выполняли смешанную повинность. До реформы наделы крестьян варьировались в широком интервале от 2-3 дес. до 10 дес. и более. После реформы положение существенно изменилось. Определяющим стал так называемый «высший размер надела», равный в уезде 5 дес. 1200 кв. саж. на душу мужского пола. Такой надел получило около 84% крестьян. Высший размер повинностей после реформы составил 10 руб. с души²².

Каждое хозяйство имело также определенный набор орудий труда и транспортных средств, предназначенных для работы на ней. Это были орудия для пахоты и боронования почвы, сева, уборки урожая, обмолота и веяния²³. Это были приспособления для ухода за скотом²⁴; инструменты, применявшиеся в ремеслах и промыслах. Кроме того, крестьяне использовали специальные механизмы и приспособления для переработки зерна в муку, семян льна и конопли в масло, их стеблей в волокно, а затем — в нити и ткани²⁵. Немалое значение имел зимний и летний транспорт.

Конструктивной и пространственной основой всех деревянных сооружений, от простых до самых сложных, был бревенчатый сруб. Это архитектурная структура прямоугольных форм, набираемая из горизонтально уложенных бревен, связанных в венцы при помощи врубок. В XIX в. получил широкое распространение так называемый пятистенок. Он представлял собой удлиненный сруб с внутренней поперечной пятой стеной, рубившейся одновременно с остальными стенами сруба. На длинной стене постройки выступал один ряд торцов от пятой, внутренней поперечной стены. Пятистенок состоял из двух неравных помещений (чаще двухоконного и трехоконного), стоявших по фасаду, сзади к ним пристраивались сени, вход из сеней - чаще устраивался в одно из помещений - в то, в котором стояла русская печь. В другом ставили подтопок или голландку.

В конце XIX в. – начале XX в. в качестве сельского жилища встречались крестовики (шестистенки), которые представляли собой деревянный срубный дом, состоящий из четырех жилых помещений, образованных двумя взаимно перпендикулярными стенами. Их рубили и связывали с наружными сторонами сруба. Способы связи крытого двора с домом были разнообразны, но преобладающими в Пошехонье можно считать однорядную и двухрядную связь. Однорядная застройка являлась наиболее широко распространенной.

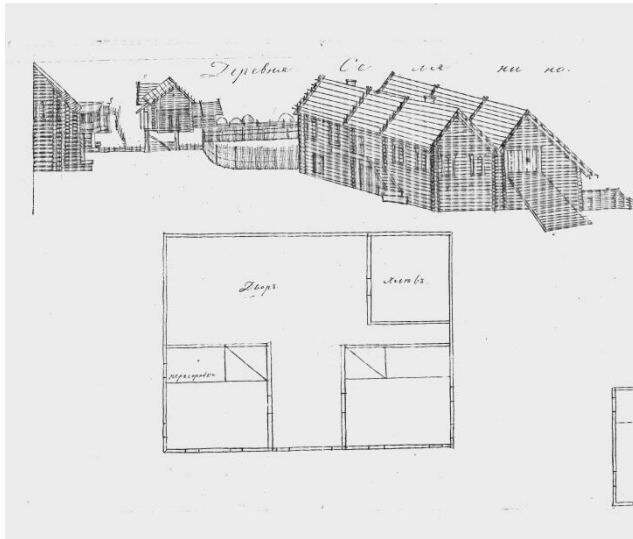
²¹ Дидрикуль Э.А. Сведения о 75 хозяйствах Пошехонского уезда, доставленные самими владельцами в Агрономическое отделение при Ярославской губернской земской управе. Ярославль: типо-лит. Губ. зем. управы, 1898. С.4.

²² [Архив автора. База данных, составленная на основе анализа уставных грамот по Пошехонскому уезду Ярославской губернии].

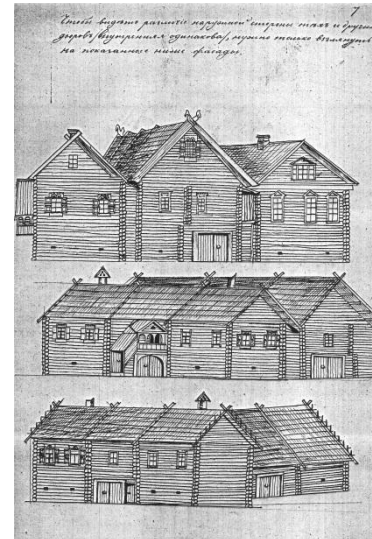
²³ РЖБН. С. 368.

²⁴ РЖБН. С. 371.

²⁵ РЖБН. С. 369-371.

АГО. Р. XLVII. Оп. 1. Д. 33. Л. 2. Рисунок В. Архангельского. Д. Селянино. Двухрядная связь.

АГО. Р. XLVII. Оп. 1. Д. 47. Л. 7. Рисунок В. Архангельского. Типы связи крестьянских домов в деревнях Давшинского прихода.

Рис. 11. Рисунки В.Архангельского. Типы связи крестьянских домов

В «Описи оставшемуся имению Пошехонской округи села Владычня после умершего священника Андрея Дмитриева принадлежащему сыну его, обучающемуся в Пошехонском в низшем уездном училище Петру Базилевскому» (1828 г.) находим следующее описание: «Дом деревянный, крыт тесом, длиною девять, а поперешнему семь сажень с аршином, состоящий из 3-х комнат с десятью окнами, в низу же под одною комнатою зимняя изба с тремя окнами и тремя окончиками с значущимися при ней особыми сенями, верхняя комната, забранная от двора тесом, сзади под тою же тесовою крышею горница пяти стенная с четырьмя окнами и окончиками, к коей приделан и двор, со стороны у оной горницы тесовое крыльцо, а в сенях между находящеюся налицо избою и заднею горницею срубленной в лапу чулан кладовой с дверями, а во всем доме две печи складены из кирпича и три в них чугунные дымника»²⁶.

Изба была основным жилым помещением русского дома. Ее интерьер отличался строгими, издавна установившимися формами, простотой и целесообразным расположением предметов. Главное место в избе занимала русская печь. В зависимости от местной традиции она стояла справа или слева от входа, устьем к боковой или передней стене. По диагонали от печи находился стол, над которым висели иконы. Вдоль стен шли неподвижные лавки. Над ними были врезаны в стены такой же ширины полки — полавочки. Пространство избы было поделено на части, имевшие свое определенное назначение.

Подъизбица (подклет) имелась под всеми жилыми постройками дома: под избой, горницей, клетью. По площади она была равна площади дома и строилась, как правило, из того же материала. Высота подклета могла быть различной: от 3—4 до 6—10 венцов. Подклет имел самостоятельный вход с улицы, но в него можно было попасть и из жилого помещения, через голбец или люк в полу²⁷.

²⁶ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 10780. Л. 6.

²⁷ РЖБН. С. 363.

Пространство от боковой стенки печи до противоположной стены дома и от порога до печного столба занимали полаты — деревянный настил для спанья под потолком²⁸. Конструкция их была довольно проста. В основе перпендикулярно друг другу лежали два толстых четырехгранных бруса: полатный и воронец. Полатный брус одним концом врубали в печной столб, установленный у свободного угла печи, другим концом — в противоположную боковой стене печи стенку сруба. Воронец крепили одним концом в стену, отделявшую избу от сеней, другим концом — в переднюю стену сруба (и дополнительно крепили у печного столба). На брусья накладывали толстые доски. Сторона полатей, обращенная к передней стене избы, имела невысокие перильца или ограду, которые должны были предохранить спавших на полатах людей от падения. На полатах спали главным образом дети. В дневное время туда складывали постельные принадлежности остальных членов семьи, которые спали на лавках, голбце или на полу. Кроме того, в небольших семьях полаты служили для хранения различного рода домашних вещей.

Голбец (голубец) представлял собой прямоугольный ящик, высотой с печь или чуть ниже, шириной около 1 м. Вход в голбец закрывали дверями, которые располагались на его узкой стороне. Внутри голбца устраивали лестницу, которая вела в подклет, а по сторонам набивали полки, на которых хранили различные домашние припасы. Верхнюю плоскость голбца часто использовали для сна.

Крестьянский дом невозможно представить без многочисленной утвари — это посуда для заготовки, приготовления и хранения пищи, подачи ее на стол²⁹; предметы для разжигания огня и внутреннего освещения дома. Домашняя утварь была сравнительно однотипна на всем пространстве расселения русского народа.

В крестьянском быту широко применялись различные изделия из бересты — верхнего эластичного слоя березовой коры — корзин, солониц, туесов, сумок-кошелей, лаптей и т. д. Береста употреблялась в двух видах: снятая сплошным слоем и длинной лентой, которую сматывали в клубки. Из бересты, снятой сплошным слоем делали туеса (бураки)³⁰ — ёмкости цилиндрической формы для хранения сыпучих продуктов, меда, молочных продуктов, кваса и др. Они могли иметь разные размеры и пропорции, их могли украшать росписью, тиснением, просто окрашивать в яркие цвета. Из бересты, которая была снята в виде ленты, делали плетеную утварь и обувь: различные корзины, лопаточки, сумки, солоницы, лапти.

Из дерева мастерами делали короба для хранения веретен, пряжи, кудели, набирухи для ягод, короба-ложечники и т. д. Из еловых корней делали коренушки³¹. Традиционный набор утвари сохранялся вплоть до 30-х гг. XX в., что объяснялось устойчивостью крестьянского уклада жизни, функциональностью предметов обихода.

Декор традиционного жилища на протяжении столетий претерпевал изменения. Первоначально дома украшались барельефной резьбой³², которая позднее сменилась пропиловкой³³. Пропиловка получила широкое распространение благодаря легкости и скорости исполнения сквозных узоров на глади доски. Ею нередко украшали

²⁸ ЭС. С. 10.

²⁹ РЖБН. С. 371-373.

³⁰ Собрание Рыбинского музея-заповедника: <http://iss.rybmuseum.ru/>. Далее — РБМ. РБМ-15374. Д-358; РБМ-11279. Д-636; РБМ-16451/84. Д-648; РБМ-12492. Д-640.

³¹ РБМ-13364/24. Д-642; РБМ-10610/39. Д-54; РБМ-14204/8. Д-32; РБМ-10610/38. Д-345; РБМ-9479/36. Д-493.

³² РБМ-10610/9. Д-860; РБМ-13477. Д-1180.

³³ РБМ-13364/46. Д-691.

значительную площадь фасада дома, резные узоры наносились на причелины, подзоры, карнизы, террасы, крыльца, наличники окон, накладной выпиловкой декорировали выступающие торцы сруба. Процесс создания пропиленной резьбы не сложен. От руки или с шаблона на доску наносится узор. Затем в нужных местах просверливаются отверстия, куда вставляется пила, которой плотник выпиливает орнамент по нанесенному рисунку. В зависимости от того, что выпиливается, фон или узор, соотношение между ними может меняться. В одном случае узор может быть сквозным и смотреться на фоне доски, в другом, напротив, узор смотрится на сквозном фоне.

**Рис. 12. Пропиленная резьба. Фото И.Ю.Шустровой.
Материалы экспедиций 1992, 1996 г.**

При определенном построении композиции между фоном и узором устанавливается равновесие, и они становятся равноценным орнаментом. Само понятие «пропиленная резьба» прочно закрепилось за этим видом декора народного зодчества. Это понятие убедительно показывает, что в нем, с одной стороны, отражены определенные приемы технического исполнения резьбы с помощью различных пил (лучковой, ножовки, лобзика и т.п.), а с другой - сохраняется определение «резьбы», что указывает на ее неотрывность от традиционных видов художественной обработки дерева. Тем самым понятие «пропиленная резьба» отражает определенную историческую обусловленность процесса своего сложения.

Прежде всего, заслуживает внимания обрамление окон. Для русского жилища в конце XIX - начале XX в. были характерны окна с косяками и наличниками из досок, часто украшенные резьбой и живописью. Окна с наличниками и ставнями появились в русском домостроительстве уже в XVI - XVII вв. и оказали большое влияние на сельскую

архитектуру, в которой стали использоваться вместо волоковых окон³⁴. Простейшей формой наличника были гладкие обкладки из досок, не обработанные резьбой. К XIX в. развиваются сложные формы наличников, богато украшенные резьбой. Основной растительного орнамента является волнообразная линия с отходящими от нее в разные стороны завитками, оканчивающимися трилистником. Этот мотив является простейшим и, по-видимому, более древним. Очень интересен мотив виноградной лозы, характерный для декора жилищ г. Пошехонья (например, ул. Маяковского, 50/15; ул. Чкалова, 10). Примечательной чертой декора интерьера дома были росписи³⁵.

Двор мог ставиться параллельно с избой. Двухрядная связь представляла собой две примыкавшие друг к другу постройки: собственно жилая часть и хозяйственные помещения. Именно так выглядят дома, изображенные В. Архангельским³⁶. Двухъярусный крытый двор включал помещения для скота, второй этаж - поветь - использовался для хранения сена, средств передвижения и пр. Попастъ на поветь можно было с помощью въезда. На повети нередко устраивались горницы и клетки. В клетях могли хранить одежду, белье, холсты и хозяйственные вещи, в летних горницах жили только в теплую пору. Число горниц в середине XIX в. нередко зависело от состава семьи. В неразделенной семье зачастую отдельную горницу имела свекровь и каждая невестка. В горницах нередко устраивали пологи, которые использовали для сна в летнее время.

Рис.13. Полог. Фото И.Ю.Шустровой. Материалы экспедиции 1996 г.

В середине XIX в. материалом покрытия чаще всего была солома. На протяжении столетия менялась и планировка (чаще однорядная связь, появление пятистенков и шестистенков) и материал покрытия (дранка, тес и т.д.). В середине XIX в. преобладала самцовая конструкция двускатной крыши, а в конце XIX-начале XX в. - стропильная.

Хозяйственные постройки русских, вызванные к жизни потребностями земледелия, отличались целесообразностью, были приспособлены к нуждам мелкого крестьянского хозяйства и с течением времени претерпевали определенные изменения. В качестве хозяйственных построек упоминаются овины с крытым гумном, сараи, мякинницы,

³⁴ Русские : ист.-этногр. атлас : из истории русского народного жилища и костюма : (украшение крестьян. домов и одежды). М. : Наука, 1970. С. 15.

³⁵ Зарисовки росписи интерьера дома. См.: РБМ-10370/64. ДС-10255.

³⁶ АГО. Р. XLVII. Оп. 1. Д. 47. Л. 7; ГАЯО. Ф. Р-221. Оп. 1. Д. 53. Л. 16об., 20, 22, 25.

житницы (амбары) с врезными и висячими замками³⁷. Вход в амбар обычно делали с севера для того, чтобы летом при открытой двери помещение не нагревалось. Дверной проем амбара был достаточно широким и высоким, чтобы в него свободно могли проходить мужчины с мешками зерна.

Паровые бани, согласно сведениям А. Архангельского, имели немногие хозяева. В летнее время крестьяне мылись в реке, зимой парились в печах³⁸.

Основным занятием населения уезда было земледелие. Дополнительные ресурсы для ведения хозяйства местные жители получали благодаря использованию даров природы. Большое распространение в хозяйственной жизни семьи имели также сборы грибов, ягод, орехов и других растений. Это могло быть как промысловым, так и любительским занятием, служившим существенным подспорьем в питании семьи. В середине XIX в., описывая крестьянский быт с. Давшино, священник А. Архангельский отмечал, что местные жители дерут корье, дерут скалу на деготь и под тесовую крышу; собирают клюкву и бруснику, морошку, полянику, гонобобель, чернику, малину и смородину³⁹.

Вспомогательным занятием была охота. Капканами (сжимами) ловили зайцев. Добыча куниц, выхухолей, хорьков, горностаев, белок давала возможность использовать меха в изготовлении одежды, часть добытого продавали в меховые мастерские Пошехонья и Рыбинска. Так, на выставку «местных произведений» в 1878 г. были привезены меха куниц, горностаев, лис, норок, хорей, медведей и волков⁴⁰.

Местные жители добывали моховых и полевых тетеревов, а также рябчиков, куропаток, уток и куликов. Рыбная ловля в р. Конгоре была ориентирована на «домашнее употребление», а в р. Шексне предусматривала продажу стерляди, белой рыбыцы, лещей, язей, головлей, судаков⁴¹. Сведения о рыбной ловле и охоте находим у А.В. Балова и С.Я. Дерунова⁴².

Крестьянский отход в Пошехонском уезде был не особенно развит. С середины XIX в. в уезде получает развитие молочное скотоводство, продукция которого обрабатывалась в «артельных сыроварнях»⁴³. Скорняжное производство было представлено шитьем полушубков, которым были заняты исключительно белосёлы Трушковской волости. В уезде работали катальщики и войлочники, сыромятники, кожевники, красильщики, тележники, сапожники, столяры и плотники. Деревянные изделия делали бондари и корзинщики (в том числе, из лыка, дранки и коры).

Гончарный промысел существовал в Мусорской, Меленковской, Ермаковской, Займищевской волостях⁴⁴.

³⁷ РЖБН. С. 365.

³⁸ ЭС. С. 13.

³⁹ ЭС. С. 15.

⁴⁰ Ушаков Я.Н. Обзор выставки местных произведений Ярославской губернии, состоявшейся в Рыбинске 7 августа 1878 года. Ярославль: Типография губернской земской управы, 1879. 59 с.

⁴¹ ЭС. С. 15-16.

⁴² РЖБН. С. 374-375, 589.

⁴³ Головищников К.Д. Город Пошехонье и его уезд. Ярославль, тип. Губ. зем. управы, 1890. С.26.

⁴⁴ Алексеев Е.А. Кустарная промышленность в Пошехонском уезде// Вестник Ярославского земства. 1875. № 36. Июнь. С. 11.

Рис. 14. Гончарная посуда работы пошехонских мастеров. Фото И.Ю.Шустровой. Материалы экспедиции 1996 г.

В конце XIX - начале XX вв. гармони-тальянки делал мастер Яблоков, живший на границе Пошехонского уезда и Вологодской губернии⁴⁵. В «Вестнике Ярославского земства» упоминаются гармончики из с. Юдино Давыдковской волости. Отдельные мастера, работавшие в уезде — игрушечники, фонарщики, шорники, резчики, золотобои, иконорезцы и живописцы⁴⁶.

Были известны и пошехонские портные⁴⁷. Они не только отправлялись на работу в соседние Новгородскую, Вологодскую, Костромскую и Тверскую губернии, но и добирались до столиц. Среди уроженцев Ярославской губернии, пошехонцы в Петербурге устойчиво занимались портновским ремеслом. В 1901 г. в Петербург отправлялось 5334 из 8879 ярославских портных и 979 из 1339 портних. 5019 из них (79,5%) приходили в Петербург из тринадцати волостей губернии, в которых петербургские портные составляли более четверти всех отходников. Ериловская, Ермаковская, Займищевская, Колобовская, Мусурская, Панфиловская, Пошехонская, Трушковская, Хмелевская волости (9 из 13) Пошехонского уезда поставляли рабочие руки на рынок. В начале XX в., по мнению исследователей, подавляющее большинство петербуржцев всех состояний шило одежду у столичных портных. Петербуржцы среднего достатка шили платье у «квартирников» – портных, не имевших специальных ателье. Самыми дешевыми из них были «рыночники», мастерские которых располагались вдоль Садовой улицы. Здесь в основном и работали пошехонцы. Бывший агент фирмы «Зингер», производившей

⁴⁵ РБМ-9479/51. Т-2847.

⁴⁶ Алексеев Е.А. Кустарная промышленность... С. 13.

⁴⁷ Дерунов С.Я. Пошехонские портные: Этнографический очерк // ЯГВ. 1870. 29 янв., № 5. С. 17-18.

швейные машинки, даже утверждал, что эта компания «в Америке себе небоскреб выстроила на ярославско-пошехонские деньги»⁴⁸.

О распространении промысла портных интересные сведения привёл житель д. Корино Гаютинского сельсовета Василий Васильевич Овсянников (1899 г.р.) в 1992 г. Он начинал работать «мальчиком» и вместе с мастером ходил шить во Владимирскую губернию накануне I Мировой войны. Осенью 1916 г. он уехал в Петербург, где стал работать в артели. Эта мастерская, по словам информатора, располагалась в Малкове переулке. Возглавлял артель уроженец Пошехонья Василий Алексеевич Виноградов. Готовую продукцию артель сдавала в магазины Корнилова и Грошева, которые поставляли в мастерскую материал. Нередко артельный хозяин сам покупал материал у купцов. В «фирме» шили верхнюю одежду – мужскую и женскую, например, пальто на вате с каракулевыми воротниками. Работа была сдельной, месячный заработок составлял в среднем 50-60 руб. Деньги чаще всего отсылали домой, куда сами возвращались на время полевых работ (с мая по сентябрь)⁴⁹.

Было распространено в уезде и прялочное производство. Прялка – одно из древнейших приспособлений для изготовления пряжи из растительных волокон (льна и конопли) и животной шерсти. По мнению исследователей, она обладала высоким знаковым смыслом⁵⁰. Среди различных предметов быта и орудий труда с особой любовью и тщательностью украшались именно прялки. Пряжение было сложным и трудоемким процессом, который требовал от женщины большого терпения, умения и навыков. Умение прясть считалось одним из высоких достоинств женщины-крестьянки.

На территории Пошехонского уезда по р. Согоже бытовали прялки с ножкой в виде тонкой дощечки, с трапецевидной лопаской, завершающейся тремя высокими рожками⁵¹. Эти прялки называют «согожанками». Ножку и лопаску прялки украшали обычно тонкой контурной резьбой, иногда несложной инкрустацией или росписью⁵². Прялки-согожанки имеются в коллекциях ряда музеев⁵³. По соседству с «согожанками» в окрестностях села Гаютино бытовали прялки, трапецевидная лопаска которых завершалась не высокими рожками, а низким мелким гребешком. Кроме того, гаютинские прялки всегда украшены

⁴⁸ Лурье Л., Хитров А. Крестьянские землячества в российской столице: «ярославские питерщики» // Невский архив: историко-краеведческий сборник. [Вып.] 2. М., СПб.: Atheneum-Феникс, 1995. С. 347-348.

⁴⁹ [Материалы экспедиции 1992 года]. Своеобразной иллюстрацией к приведенной истории является хранящаяся в Рыбинском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике фотография крестьянина-отходника Д.А. Алексеев (1870-1920) с женой и матерью. 1905 г. РБМ-10610/71. ФД-203. Уроженец д. Наволоки Холмовской волости он начал работать «в мальчишках», потом открыл в Санкт-Петербурге собственную мастерскую. Шила и его жена Анна Леонтьевна, хозяйством в деревне занималась мать Татьяна Родионовна Родионова (1840 г.р.). На лето супруги приезжали домой. Интересный материал об отходниках представлен на выставке ГАЯО: <https://www.yararchive.ru/exhibitions/exhibition-othodniki/> (дата обращения: 19.03. 2022).

⁵⁰ Слепынина Л.Ю. Прялка в традиционной культуре : мифопоэтика и типология : на материалах Костромской губернии : автореферат дис. ... кандидата культурологии. - Киров, 2007. - 17 с.

⁵¹ Уханова И.Н. Декоративно-прикладное искусство XVIII-XIX веков // Памятники русской старины. Итоги работы экспедиций по сбору произведений древнерусского и народного искусства. Каталог выставки. Гос. Эрмитаж. СПб., 1993. С. 22.

⁵² Глебова А.А. Резные орнаменты на прялках-«согожанках» (из коллекции Вологодского государственного музея-заповедника) // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2014. Декабрь. С. 10-23; Глебова А. А. Прялки-«согожанки». Попытка прочтения орнаментов (по коллекции Вологодского государственного музея-заповедника) // Вологда. Краеведческий альманах. Вып.3. Вологда, 2003. С. 288-319.

⁵³ РБМ-9900/31. Д-116; РБМ-13364/41. Д-674; ЯМЗ-357. Д-569; ЯМЗ-35439. Д-585; ЯМЗ-42574/6. Д-378 и др.

росписью⁵⁴.

Прялки-терема также бытовали на территории уезда⁵⁵. Их ножка, широкая у основания, плавно сужается кверху, через узкий перешеек переходит в ромбовидную островерхую лопапку. Декор всех этих прялок, за редкими исключениями, выполнялся резьбой - сквозной (прорезной), ногтевидной и контурной, реже - рельефной. Вершина лопапки украшалась узором в виде куста с симметричными ветками, на которых сидят птички, а у основания обычно вырезались коньки. Это древний традиционный для народного искусства образ «древа жизни». Поверхность ножки в большинстве случаев разделялась контурной резьбой, сюжетными сценами, расположенными ярусами. В верхнем ярусе, там, где ножка сужается, вырезали высокую островерхую башню со шпилем, выходящим на лопапку, с часами-розеткой, иногда с воротами. Все это напоминало островерхие терема, отсюда, очевидно, произошло и название прялки. В нижних ярусах помещались различные жанровые сцены, особенно часто изображались праздничные чаепития, гулянья, хороводы, в самом низу любили также изображать петухов, клюющих плоды с дерева.

Пряники, как и домашнее печенье, были традиционным, можно сказать, обязательным угощением всякого праздничного застолья, любимым и общедоступным лакомством⁵⁶. Если печенье делали в домашних условиях, для своей семьи, то пряники, в основном, были изделиями профессионального ремесла, делались на продажу, обычно в пекарнях наряду с другой продукцией⁵⁷. Заслуживает упоминания следующий факт. В XVIII в. в уезде существовало пряничное производство. Сведения о о продаже пряников приводит Б.Б. Кафенгауз: «Из Пошехонья Ярославской посадской человек Г.Б. Пошехонов привез 15 пудов пряников»⁵⁸.

В коллекции Рыбинского музея хранится интересная коллекция пряничных досок. Согласно данным Е.Б. Лебедевой, поступление большей части коллекции пряничных досок (41 предмет) связывалось с экспедицией Рыбинского музея в 1927 г. в Пошехонский уезд, целью которой было обследование на наличие и состояние памятников и предметов старины с дальнейшей их передачей или приобретением в Пошехонский или Рыбинский музей. Надписи или инициалы на досках позволяют предположить наличие пряничного заведения в Пошехонье. В «Журнале генеральной поверки торговли и промыслов в Пошехонье» за 1891 г. значится «бакалейная и мучная лавка в собственном доме на Ярославской ул. Дубова Феофана Павловича». Затем хозяином дома, завода и мучной лавки со складами стал сын Павел Феофанович, совладельцем предприятий – его брат Николай Феофанович⁵⁹.

Сельскохозяйственный год четко определял сроки выполнения работ. Подготовка пашни к посеву, сев, уборка урожая – все даты были четко определены традицией. Сезон выпаса скота, как правило, начинался с Егорьева дня (23 апреля/6 мая) и длился до

⁵⁴ РБМ-10370/8. Д-663; РБМ-10370/14. Д-664; ЯМЗ-40067/1, ЯМЗ-40060, ЯМЗ-40065; ЯМЗ – 40067/1; ЯМЗ-40065.

⁵⁵ РБМ-10610/6. Д-449 и др.; ЯМЗ – 51128 /6-9, 50140/1, 45166, 40137 и др.

⁵⁶ *Лаврентьева Л.С.* Пряничные доски в коллекциях МАЭ РАН // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. СПб., 2012.

⁵⁷ *Уханова И.Н.* Пряничные доски Пошехонья // Сообщения ГЭ. Вып. 32. Л.: Аврора. 1971. С. 35-37; Пряничные доски XVIII-XIX веков : [экспонаты из собрания Рыбинск. ГИАХМЗ : альбом] / [науч. ред. и авт. вступ. ст.: Е. Лебедева]. - Рыбинск : Officina, 2012.

⁵⁸ *Кафенгауз Б.Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века: (По материалам внутр. таможен). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.С. 44.

⁵⁹ *Лебедева Е.Б.* Коллекция пряничных досок в Рыбинском музее-заповеднике // XII Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 30 октября 2008 г. – Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2008. – С. 70-76.

Покрова дня (1/14 октября). В дневное время животные находились на пастбищах, и только поздно вечером их пригоняли в деревню. Стрижка овец происходила три раза в год: в марте, конце июня, в сентябре-октябре. Во многих деревнях последний раз овец стригли в день Настасьи Стригальницы (30 октября/11 ноября). Лучшей шерстью считалась летняя (поярковая) шерсть молодых овец. Она была мягкой, шелковистой и сравнительно чистой. После стрижки шерсть или промывали в горячей воде, просушивали и расчесывали, или отдавали шерстобитам для очистки на лучке, а затем уже мыли и чесали. Прядение начиналось на время Филиппова (Рождественского) поста и продолжалось с небольшим перерывом во время святок, до масленицы. Пряжей, тканьем холстов, белием их и пр. занималось когда-то почти все женское население уезда⁶⁰. В Пошехонье существовал даже особенный базарный день, так называемое полотняное воскресенье - 7-е воскресенье после Пасхи. Современники отмечали, что это день, когда женщины получали выручку за свою зимнюю работу, а «потому никогда не бывает столько пьяного народа: всякая хозяйка на радостях угощает своего хозяина из денег, выработанных собственным трудом»⁶¹.

Человек не мог обходиться без одежды: повседневной и праздничной, без обуви, головных уборов и др. Основные части одежды создавались либо самими крестьянами, либо деревенскими или городскими ремесленниками. А. Архангельский, описывая мужскую одежду, писал: «Идя в лес, надевают штаны из домашнего серого сукна, лапти с теплыми чулками домашней работы, которые поверх обертываются суконками. На шею теплый платок, домашнего приготовления или купленный; овчинный полушубок, а сверху серый армяк домашней работы или полусуконный пониток (верхняя длинная распашная одежда из домотканого полусукна (основа льняная, уток шерстяной)), кушак, шапку и рукавицы. Отправляясь куда-нибудь, но не в лес, крестьянин надевает катаные теплые сапоги, полушубок и армяк или тулуп; к соседу идет в одном полушубке или армяке»⁶².

В праздники молодежь щеголяла в кожаных сапогах с наборами на голенищах; плисовых или нанковых шароварах или пестрядинных портах. Рубахи шили из александрийской пестряди или ситца, или полубумажной пестряди домашней работы. На шею носили шелковые платки, шерстяные вязаные шарфы или платки бумажные или холстинковые. Частью мужского костюма были суконные жилеты, суконные или нанковые подболочки (кафтаны).

⁶⁰ ЭС. С. 17.

⁶¹ Алексеев Е.А. Кустарная промышленность в Пошехонском уезде// Вестник Ярославского земства (далее – ВЯЗ). 1875. № 36. Июнь. С. 13.

⁶² ЭС. С. 17.

Крестяннин Николай Тихонов, с. Ермаково.

**Рис.15. Рисунок В. Архангельского. Крестьянин с. Ермаково Николай Тихонов.
АГО. Р. XLVII. Оп. 1. Д. 33. Л. 57об.**

Мужскими головными уборами из ткани фабричной выработки были картузы. Их шили с плоским круглым верхом на высоком (5—8 см) стоячем околыше, с широким твердым козырьком надо лбом. Козырьки могли быть полукруглыми наклонными или длинными прямыми. Их обтягивали кожей или тканью, из которой делался сам головной убор.

А. Архангельский упоминает шапочки с беличьим околышем как головные уборы крестьянских парней⁶³. Зимой носили тулупы, покрытые сукном или нанкою⁶⁴. Зимней же одеждой были новые овчинные или армяки синего сукна, «сверх теплых подболочек с шелковыми или шерстяными кушаками (поясами)»⁶⁵.

В русской деревне пояс считался обязательной принадлежностью костюма⁶⁶. Отсутствие его в одежде рассматривалось как серьезное нарушение общепринятых правил поведения и как большой грех. Пояс (как и крест) считался признаком принадлежности его хозяина к христианской вере. Девушка или женщина, вышедшая на улицу без пояса, могла быть объявлена колдуньей. Человек, с которого сорвали пояс, считался обесчещенным и должен был отомстить обидчику. Пояс нередко использовался как

⁶³ ЭС. С. 17.

⁶⁴ Нанка – прочная хлопчатобумажная ткань, как правило, буровато-жёлтого цвета.

⁶⁵ ЭС. С. 17.

⁶⁶ РБМ-10370/24. Т-1012; РБМ-9479/33. Т-1015.

оберег. Красный пояс, подаренный женой мужу, охранял его в дороге от лихих людей, предохранял от дурного глаза и чужих жен⁶⁷.

Верхней мужской и женской одеждой для весны, зимы и осени из сукна домашней выработки или черного, синего сукна фабричного производства была поддевка. Ее шили на подкладке, а для зимы — на кудели, непряденой шерсти, вате. Поддевка — это распашная одежда длиной ниже колен или до колен, с длинными рукавами, отрезная сзади по талии, со сборками на спине от талии, со стоячим или отложным воротником. Она была праздничной одеждой молодых мужчин и женщин.

По свидетельству А. Архангельского, зимняя женская одежда - рубашки синие или набойчатые сарафаны домашней работы, овчинные полушубки, шерстяные катаные или кожаные сапоги и чулки, рукавицы.

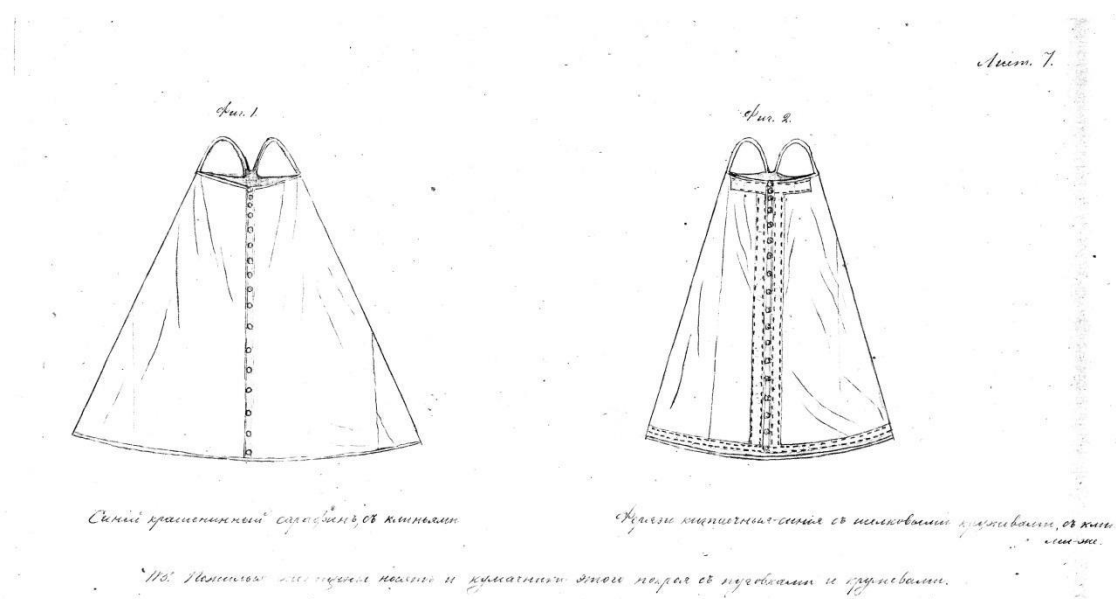

Рис.16. Рисунок В. Архангельского. Слева – синий крашеный косоклиный сарафан. Справа – сарафан-ферязь, отделанный шелковыми кружевами. АГО. Р. XLVII. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.

Головным убором женщин служил ситцевый платок или несколько платков в сильный мороз. Праздничными украшениями были янтарные низки, серебряные, позолоченные серьги, кольца, сборник, а по сборнику шелковый платок, завязанный концами назад. Шаль и полушалки, шарфы дополняли зимний костюм, включавший длинные шубы, суконные или нанковые.

⁶⁷ Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. — СПб.: Азбука-классика, 2003. - С. 581.

Рис. 17. АГО. Р. XLVII. Оп. 1. Д. 33. Л. 55. Рисунок В. Архангельского. Девушка в повязке. Лопать повязки могла быть изготовлена из парчи или шелка. Справа – повойник и сборник.

Праздничный женский костюм летом включал вязанные нитяные перчатки, нитяные чулки, козловые или тафтяные башмаки и парчовые коротенькие душегрейки. Девушки носили повязки. Повойник — женский головной убор, прикрывавший все волосы, с овальным или круглым дном и околышем на подкладке. Будничные повойники шили из холста, набойки; праздничные из шелка, парчи, бархата, ситца, кумача. Повойники⁶⁸ из ситца и кумача расшивали разноцветной шерстью. Молодые женщины поверх повойника в первый год замужества носили ленту, аналогичную девичьей. На невесту после венчания надевали нарядный повойник.

⁶⁸ РБМ-3002. Т-1006; РБМ-9479/18. Т-1021.

Рис.18. Р. XLVII. Оп. 1. Д. 33. Л. 55об. Рисунок В. Архангельского. Слева – девица в круглом ситцевом сарафане. Справа в сарафане и душегрейке (полушубке) из парчи, кисейном фартуке и перчатках до локтей.

На этнографической выставке, устроенной в 1867 г. ОЛЕАЭ были представлены костюмы из Пошехонского уезда. Женский костюм включал в свой состав: 1) рубашку; 2) кумачный сарафан; 3) повойник; 4) пояс; 5) ожерелок. Главными частями, входящими в состав мужского одеяния, были рубаха, порты или шаровары, портянки или онучи, лапти, валенки или сапоги, поддевка, армяк, кушак или пояс, шляпа и шапка. Полушубок, тулуп и рукавицы дополняли мужской костюм в зимний период⁶⁹. Рубахи традиционного туникообразного покроя мужчины носили поверх штанов с узким поясом, который повязывали на бедрах. Праздничные рубахи украшали вышивкой по воротнику, разрезу, рукавам и подолу.

Заслуживает внимания описание праздничного воскресного костюма молодой женщины середины XIX в. из д. Петроково-Чесное Софроновской волости из собрания Российского Этнографического музея (Санкт-Петербург). Это рубаха, косоклиный сарафан из тонкой домотканины, окрашенной в красный цвет, кокошник из красного бархата, украшенного золотой вышивкой шелкового платка, бус «янтарей» и лаптей. Рубаха имела вставки на плечах из браного ткачества. Сарафан был украшен фабричными шелковыми лентами, металлическими ажурными пуговицами. Для изготовления петель был использован шелковый черный шнур. На подоле сарафана находились шелковая узорная и черная бархатная ленты⁷⁰.

Нарядная, праздничная одежда отличалась от будничной, рабочей, главным образом тканью, богатством и яркостью отделки. Фабричного производства ткани, в том числе и хлопчатобумажные, по сравнению с тканями домашнего изготовления, считались более ценными и престижными. В XIX в. их стали особенно охотно употреблять для изготовления праздничных костюмов, использовали их в качестве отделки, нашивая яркими полосами. Любимым цветом, особенно в праздничных костюмах, был красный цвет различных оттенков, символ здоровья и красоты. Известный нам женский сарафан – длинная, свободная плечевая одежда - сложился к XVIII в. К двум передним прямым полотнищам и одному заднему косоклиного распашного сарафана по бокам пришивали косые клинья, сильно расширявшие сарафан к подолу. Сарафаны украшали полосами набивных тканей, яркими, пестрыми лентами, которые нашивали спереди вдоль застенки, на груди до лямок, на спине и подолу. Косоклинные сарафаны обычно делали на холщевой подкладке, так они лучше держали форму. Другой распространенный тип сарафана – «прямой» или «круглый», - шили из 4-6 прямых полотнищ ткани, которые были присборены сверху. Лямки пришивали сзади вместе, спереди отдельно, на расстоянии около 20 см. Этот сарафан появился позднее косоклиного, он служил одеждой молодых женщин.

Женская рубаха была основной одеждой крестьянки. Часто она являлась и единственной, главным образом у девушек и старух. Женские рубахи были почти всегда с длинными рукавами, с воротом, присборенным под узенькую обшивку. Шили их цельными или составными из двух частей: верхней части — «рукавов» и нижней части —

⁶⁹ Указатель русской этнографической выставки, устроенной Обществом любителей естествознания, состоящим при Императорском Московском университете. М., 1867. С. 43, 92.

⁷⁰ Баранова, О.Г., Седых, В.Н. Коллекции по традиционной культуре русского народа Ярославской губернии в собрании Российского Этнографического музея. / XVI Тихомировские краеведческие чтения: К 100-летию революций в России: материалы научной конференции. Ярославль, 19-20 октября 2017 года. – Ярославль, 2019. – С. 173-174.

«стана». Иногда рукава существовали и самостоятельно, без стана. Они были видны из-под сарафана, поэтому и делали их из ткани лучшего качества, чем стан, который закрывался сарафаном. Рубаха с кокеткой - более поздняя форма. Шились такие рубахи большей частью из покупного материала и носились как нарядные.

Первый день сенокоса, жатвы и первый день выгона скота считались праздничными. В эти дни женщины надевали на работу рубаху без сарафана. Эти рубахи, которые называли «покосницами» или «сенокосницами», делались особенно яркими, нарядными, их украшали вышивкой, полосами узорного ткачества⁷¹. Верхнюю часть ее шили из кумача или сатина, нижнюю — из тонкой полубумажной красной клетчатой домотканины с широким браным узором из разноцветной шерсти.

Сенокосница и гаютинские прялки в собрании Пошехонского музея. Фото И.Ю.Шустровой.

Прялка-терем из собрания Пошехонского музея. Фото И.Ю.Шустровой.

Прялка-согожанка. Вторая половина XIX - начало XX вв. РБМ-9900/31. Д-116. Привезена в музей из экспедиции 1960 г. в Пошехонский р-н. Бытовала в д. Ночкино Колодинского с/с у Шишкиной Дарьи Васильевны. Принадлежала матери владелицы, проживавшей в с. Царское бывшей Соколовской волости, куплена ею в г. Пошехонье.

Рис. 19. Фотографии прялок Пошехонского уезда

Передник являлся неотъемлемой частью комплекса одежды крестьянки. Будничный передник имел утилитарное значение, предохраняя одежду при работе от загрязнения. В праздничном комплексе он являлся дополнительным украшением в одежде, поэтому делали его часто из хороших, покупных тканей⁷².

Юбки с грибом – юбки с оборкой, сшитые из пестряди или ткани фабричного производства – носили с кофтами покроя казак» или «тераса» в конце XIX- начале XX в. в Пошехонском уезде.

Кофты получили широкое распространение в крестьянской среде к концу XIX в. под влиянием городской моды. Делали их исключительно из фабричных тканей⁷³, шили с высоким стоячим или отложным воротником и с пышными рукавами у плеча⁷⁴. Кофты делали прямыми (тогда они заправлялись под юбку, а иногда носились и поверх юбки) или с «баской» — небольшими расклешенными фалдами (тогда кофта закрывала пояс у юбки). Последний фасон был излюбленным для праздничного наряда. Ленточки, дешевое кружево, сутаж, расположенные по вороту, груди и рукавам, были отделкой. Иногда кофты носили и с сарафанами, которые в этом случае служили юбкой.

Принадлежностью женского и мужского костюма был платок – квадратное или приближающееся к квадрату полотнище ткани, как правило, фабричного производства.

⁷¹ РБМ-9479/14. Т-1075; РБМ-2956. Т-1044; РБМ-13364/63. Т-978; ЯМЗ-52963.

⁷² РБМ-10370/30. Т-744.

⁷³ Нестерова И. Г. Ализариновые ситцы в народной одежде северных и южных районов европейской части России во второй пол. XIX – начале XX в. / И. Г. Нестерова // Традиции народной одежды и искусство современного костюма: сб. науч. тр. / НИИ худож. пром-ти.– М., 1983. – С. 108-118.

⁷⁴ РБМ-9479/45. Т-1096.

Платки покупали в основном в лавках, на ярмарках и базарах, предпочитая платки фабричного производства⁷⁵. Платки из домашней пестряди или белого холста носили лишь в редких случаях. Для будней предназначались так называемые простые платки: белые, однотонные, клетчатые. Для праздничных дней приобретали платки ярких расцветок с нарядными кистями, бахромой⁷⁶. Популярностью пользовались красные платки из хлопка с мелким цветочным узором, шелковые с цветочным узором (синие, красные, желтые), а также тонкие кашемировые платки с яркими крупными цветами⁷⁷. Пожилые женщины носили преимущественно тяжелые шерстяные однотонные платки с густой бахромой. Платки считались большой семейной ценностью, составляли часть девичьего приданого. Нередко по количеству платков, включенных в приданое, оценивалось имущественное положение семьи.

Позднее модным аксессуаром праздничного костюма стали шарфы из вологодского кружева⁷⁸. В памятниках устного народного творчества находим примеры четкого представления о назначении отдельных предметов одежды – «Обул он меня из сапогов в лапотки»⁷⁹. Праздничную одежду готовили в первую очередь для молодежи – она составляла обязательную часть приданого. Приданое было показателем имущественного положения семьи невесты, оно представляло также материальную помощь молодоженам со стороны родителей. Праздничную одежду берегли, передавали по наследству. Как видим, одной из ее особенностей было долгое бытование традиционных форм. В то же самое время костюм менялся. Внедрение инноваций в костюм часто шло по линии замены материала, покроя, состава именно праздничной одежды. В первую очередь перемены касались одежды молодежи, одежды представителей высших сословий и т.п.

Сотрудники Верхне-Волжской этнологической экспедиции в 1920-х гг. отмечали, что старинный наряд совершенно вышел из употребления и лишь местами сохранились «интересные своими пёстрыми вышитыми или вытканными подолами сенокосные рубахи косовицы, надеваемые без платья». Вместе с тем, отмечено распространение домотканой одежды, вновь появившейся в Ярославской губернии в последние годы⁸⁰, что вполне отвечало стратегии выживания, актуальной для социума в годы социальных катаклизмов.

Действительно, домашнее ткачество в русской деревне имело чрезвычайно широкое распространение и сохраняло свое значение вплоть до начала 30-х гг. XX века, несмотря на развитие текстильной промышленности⁸¹. Известно, что в быту русских крестьян относительно долго сохранялось немало пережитков древних верований, в том числе, связанных с орнаментированной тканью. В фондах музеев имеется немало предметов, дающих представление об использовании различных техник ткачества⁸². Из

⁷⁵ Сурганова Г.А. Русские шали и платки в городском женском костюме XIX века // Сб. трудов НИИХП. Вып. 6. М.: Изобразительное искусство, 1972. С. 221; Шангина И.И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. — СПб.: Азбука-классика, 2003. - С. 564-568.

⁷⁶ РБМ-9479/31. Т-276; РБМ-13364/30. Т-980; РБМ-2921. Т-245.

⁷⁷ Янченко В.Л. Набивные платки и шали в русском народном костюме первой половине XIX в. // Традиции народной одежды и искусство современного костюма. Сб. научных трудов / Отв. ред. Н.В. Черкасова. М., 1983. С. 119-131.

⁷⁸ РБМ-10610/13. Т-1161

⁷⁹ ЭС. С. 68.

⁸⁰ Отчётная выставка этнографического отдела за 1923 г. Петроград: [Русский музей]. 1924. С. 15-16.

⁸¹ РБМ-3272/15. Т-1496; РБМ-3272/17. Т-1498; РБМ-3272/18. Т-1499; РБМ-3272/20. Т-1501; РБМ-3272/22. Т-1503; РБМ-3272/25. Т-1506; РБМ-3272/27. Т-1508; РБМ-3272/28. Т-1509 и др.

⁸² ЯМЗ-54699/7, 51975/7, 52963/1, 37639, 52963/16, 47, 8, 24; ЯМЗ-18782; ЯМЗ-18782/4; ЯМЗ-18782/6; ЯМЗ-30773, 35414, 35445/1-4 и др.

Пошехонского уезда (района) происходят образцы тканей, хранящиеся в коллекции Рыбинского музея⁸³.

Замечено, что в структуре народной культуры традиционная вышивка, отражающая визуальные символы народной культуры⁸⁴, находится на стыке между материальным и духовным компонентами культуры в современном ее понимании. Вышивка, обладая эстетической, обрядово–знаковой, повседневно–воспитательной, мифологической функциями, была традиционно женским занятием. В возрасте от 8 до 9 лет крестьянские девочки учились вышивать. Для девушек предбрачного возраста вышивание было обязательной институционализированной формой поведения⁸⁵.

Способы вышивания принято делить на две группы: счетная техника, выполняемая по счету нитей ткани, и несчетная техника, или свободный шов, выполняемый по намеченным контурам рисунка. К первой группе относится строчевая вышивка, которая основана на заполнении узором сетки, подготовленной путем выдергивания продольных и поперечных нитей ткани и изготовления сетки. Эти вышивки выполнялись белыми нитками по белому холсту (белая строчка) и обогащалась цветом: цветные нити оживляли узор отдельными вставками, обводили его по контуру (строчка с цветной обводкой)⁸⁶. В строчевой вышивке, помимо геометрических и растительных узоров, часто встречаются изображения птиц, коней, барсов, человеческие фигуры, подверженные большей или меньшей геометризацией⁸⁷.

К несчетной технике вышивки относятся тамбурный шов – свободный, позволяющий выполнять любую кривую линию. Старое русское название этой техники – петелькой, цепочкой, косичкой и т.д. – отражает характер шва мелкими петельками, связанными между собой в цепочку. В собрании Рыбинского музея имеются подольники от женских рубах с вышивкой тамбуром яркими цветными нитями по хлопчатобумажной красной ткани⁸⁸. Иногда вышитые узоры представляют собой сложную импровизацию из неопределенных фигур близких к растительным мотивам. Это так называемый "узор с мороза", такие узоры мастерицы могли брать с замерзших окон.

Особая роль принадлежала полотенцам, которые использовались для убранства интерьера, широко вошли в семейные обряды⁸⁹. Украшенный орнаментом холст когда-то

⁸³ РБМ-3103. Т-811; РБМ-3105/1. Т-805; РБМ-3101. Т-793; РБМ-9900/115. Т-1244; РБМ-10370/11. Т-789; РБМ-10370/5. Т-916; РБМ-10370/7. Т-920 и др.

⁸⁴ *Маслова Г.С.* Бытовые сюжеты в русской народной вышивке // СЭ. 1970. №6. С. 119-128; *Шангина И.И.* Изображение коня и птицы в русской крестьянской вышивке XIX - начала XX-го века // СЭ. 1972. № 3. С.116-120; *Маслова Г.С.* Основные черты орнамента ярославской и костромской вышивки (предварительные итоги исследования) // Сообщения ГРМ. Вып. II. Л., 1976. С.153-159; *Шангина И.И.* К вопросу о проявлениях древних верований в быту русских крестьян XIX века // Этнография народов СССР. Л., 1977. С.118-124.

⁸⁵ *Бернштам Т.А.* «Хитро-мудро рукодельнице». (Вышивание-шитьё в символизме девичьего совершеннолетия у восточных славян) // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: сб. ст. - СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.-С. 192-193; *Коршакова М.С., Назарова Е.А.* Психологические аспекты женской магии в традиционной вышивке // Рябининские чтения – 1995 / Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск. 1997 // <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1995/173.html> . [дата обращения: 22.02.2022].

⁸⁶ РБМ-3106/1. Т-507.

⁸⁷ РБМ-3103. Т-811; РБМ-3105/1. Т-805; РБМ-10610/32. Т-838.

⁸⁸ РБМ-13364/67. Т-945; РБМ-3154. Т-716 и др.

⁸⁹ *Кремлева И.А.* Об эволюции некоторых архаических обычаев у русских // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 248-265; *Ткань - ритуал - человек : Традиции ткачества славян Вост. Европы / [Авт.-сост. О. В. Лысенко, С. В. Комарова]. - Б. м. : Б. и., [1992?] (Б. м.). - [48] с.*

играл роль особого знака⁹⁰, символа семейного коллектива. В зависимости от применения полотенца получили разнообразные наименования: рушники или нарушники, стеновики (стеновники) и «подвязишные» (полотенце, которым обвязывался дружка на свадьбе). Материалы, собранные во время экспедиции в Пошехонском районе (1985 г.), свидетельствуют о том, что в ряде деревень еще в 20-х годах XX века девушка-невеста из средней крестьянской семьи должна была заготовить к свадьбе более 20 полотенец, до 12 ситцевых рубах и не менее 10 скатертей-столешников. Со слов жительниц Пошехонского района были записаны сведения о разных способах тканья: «в доски», когда узор получался на одной стороне, «в прутки» – двусторонний узор, «в цапы» – способ, использовавшийся для изготовления тканей на полотенца. Опросы информаторов позволяют говорить о том, что в 20-х годах XX века браное ткачество встречается крайне редко. «Выклада» – полоски браного ткачества, которые использовались для изготовления полотенец и украшения подолов рубах, сами информаторы уже не умели делать, а использовали приготовленные их матерями и бабушками⁹¹. Интересны образцы полотенечного холста: «в 6 цапов», «в 2 цапа»; полотна для изготовления рабочей одежды - «в 4 цапа»; образцы браного ткачества⁹².

Влияние городской культуры на изменение традиционного крестьянского костюма прослеживается, начиная с XVIII в. Несмотря на то, что Пошехонский уезд не принадлежал к числу территорий, население которого активно участвовало в отходе, уже в XVIII в. в столице проживали местные крестьяне. Согласно городской переписи 1737 г., в Петербурге, среди прочих, проживал Гаврило Григорьев, крестьянин вотчины И.М. Волынского Пошехонского уезда, занимавшийся выпечкой на продажу хлеба. Он «показал», что с ним живут «в товарищах и в работниках» пять человек крестьян⁹³. Согласно данным Н.М. Александрова, в 1901 г. 59% мужчин-отходников из Пошехонского уезда и 70,7% женщин направлялись на заработки в Санкт-Петербург и губернию⁹⁴.

Влияние городской одежды на крестьянскую можно проследить в использовании новых видов тканей, модных отделок, обуви. Эти заимствования обогащали традиционный крестьянский костюм цветом, фактурой ткани, не нарушая его основы. Уже в конце XIX в. влияние городской одежды становится столь значительным, что вносит изменения в традиционный комплекс крестьянского костюма⁹⁵. Крестьянская одежда теряет неизменяемость, приверженность старине. В эстетическую оценку входит новый критерий – новизны, моды, понимаемый как введение в крестьянскую одежду элементов городского костюма (как правило, уже трансформированного в среде рабочих и

⁹⁰ Лебедева Е.Б. Изобразительные мотивы вышивки на концах полотенец в коллекции Рыбинского музея-заповедника. Образ лягушки // XVIII Золотаревские чтения. Материалы научной конференции, 26-27 ноября 2020 г. Рыбинск, 2020. С. 219-225.

⁹¹ ЯМЗ-54699/7, 51975/7, 52963/1, 37639, 52963/16, 47, 8, 24 и др.

⁹² ЯМЗ-18782; ЯМЗ-18782/4; ЯМЗ-18782/6; ЯМЗ-30773, 35414, 35445/1-4 и др.

⁹³ Семенова Л.Н. Источник о первой в России переписи наличного городского населения (Переписные книги Петербурга 1737 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. II. Л., 1969. С. 279.

⁹⁴ Александров Н.М. Отхожие промыслы крестьян Верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX века: текст лекций. – Ярославль : ЯрГУ, 2007. С. 33.

⁹⁵ Кострикина О.А. «Моды» и приобретение одежды в уездных городах Ярославской губернии (первая половина XIX века) // XII Золотаревские чтения: Материалы научной конференции, 30 октября 2008 года. Рыбинск, 2008. С. 179-183.

мещан). Часто подражание моде проявлялось в отделках – оборках, воланах, вышивке крестом, заменивших традиционную вышивку и браные узоры⁹⁶.

Одежда нового городского типа, прежде всего, стала распространяться в селах, связанных с кустарными промыслами или городом. В отборе городской одежды учитывались ее удобство, яркость и нарядность ткани, крой, дающий четкий силуэт, различные рода отделки⁹⁷. Получают распространение такие аксессуары городского костюма, как зонты, калоши, перчатки, цепочки, часы. Испытывая заметное влияние города, крестьянская одежда изменилась к началу XX века, претерпев особенно заметную трансформацию в пореформенный период. Пальто и сюртуки приходили на смену кафтанам и армякам. Лапти заменялись кожаной обувью, домашние ткани – ситцем. В составе женского костюма появлялись ватерпруфы и ретонды, вся одежда праздничная шилась «по моде»⁹⁸. Пиджак и жилеты занимают прочное место в составе мужского костюма⁹⁹.

Рис.19. Молодожены. Крестьяне-отходники из Пошехонского уезда Ярославской губернии в Санкт-Петербурге. 1905 г. (Шустрова И.Ю. Очерки по истории русской семьи Верхневолжья в XIX-начале XX в. Ярославль, ЯрГУ, 1998. Ил.5).

Последняя треть XIX в. стала временем, когда изменялось жилище и домашний скраб. А.В. Балов отмечал, что черные избы заменялись белыми, чистые горницы оклеивались обоями, получали распространение керосиновые лампы, шварцвальдские ходики, деревянные ведра и ковши заменялись железными, а чаепитие становилось частью повседневной жизни¹⁰⁰.

Чертами, характерными для повседневного и праздничного стола, были сезонность и система постов, связанная с церковными предписаниями. Сезонность влияла не только

⁹⁶ Ведерникова Н.М. Эстетика народной одежды в произведениях фольклора // Традиции народной одежды и искусство современного костюма. М., 1983. С. 144-147.

⁹⁷ Романова Н.В. Фабричные ткани // Русская художественная культура конца XIX - начала XX вв. (1895-1907). Кн.2. Изобразительное искусство. Архитектура. Декоративно-прикладное искусство. М., 1969. С.353-362.

⁹⁸ РЖБН. С. 331.

⁹⁹ РБМ-10610/62. Т-2354; РБМ-10610/112. Т-2355.

¹⁰⁰ РЖБН. С. 332.

на количественный, но и на качественный состав питания: летом и осенью использовали больше овощей и дикоросов; зимой - круп, муки. Сезонным было употребление мяса, яиц. Наиболее распространенным из пищевых запретов были православные посты, которые составляли около половины календарного года и закрепляли сезонность пищи, сложившуюся в глубокой древности. Посты предваряли праздник, подготавливали его и, в частности, праздничные ощущения.

Обычная постная пища, согласно данным А. Архангельского, включала ржаной хлеб, овсяные блины, щи из серой капусты с ячною крупкою, редьку, горох, «грибы, если им урожай», картофель, поджаренный в масле, похлебку из него, капусту и «свекловицу, у кого есть». Постное праздничное меню содержало пироги пшеничные с пшеном или рыбой, кашу соковую из конопляного семени, кашу пшеничную или гречневую, рыбу «какая случится», пироги круглые с блинами, куда кладется овсяная крупа или пшено с маслом.

Скромная обыкновенная еда имела в своем составе приготовленные на сметане пироги ржаные или пшеничные с творогом или крупкою; щи с говядиной или бараниной; кашу крупяную со свиного; молоко проквашенное или пресное. В числе скромной праздничной пищи были пироги круглые – блинники, «куда кладутся пшеничные блины в пересыпку с яйцами и маслом»; пироги круглые с птицею или свиного; масляные блины на сковороде пшеничные; суп со свиного или курами; каша пшеничная или гречневая с маслом; жаркое, «какое случится», с картофелем и пресное молоко; сальник. Сальник был одним из любимейших «кушаньев». Он готовился из ячной или овсяной крупы, «сала какого бы то ни было, которого кладут весьма много в крупяной горшок и изрубленного намелко говяжьего или бараньего потроха»¹⁰¹. Пословицы «Не смейся, овсяник: не быть калачом», «Поешь овсяничка на место пряничка»¹⁰² свидетельствуют о разнице восприятия блюд повседневный и праздничной кухни.

Обязательное праздничное угощение составляло пиво – слабоалкогольный напиток, который варили из солода и хмеля. Крестьяне Пошехонского уезда делали из ржаной муки, солода, хмеля, закваски и гречишной лузги красное пиво. Малоимущие готовили пиво "котлом", а потом делили его. Общественное пивоварение было старым обычаем, восходящим к совместным празднованиям. А.В. Балов писал об изменениях пищи, подробно характеризуя состав повседневного и праздничного стола¹⁰³.

Важной частью традиционной культуры была обрядность жизненного цикла – свадебная, родильно-крестильная и похоронно-поминальная. В традиционной культуре вступление в брак было обязательным¹⁰⁴. Подробное описание свадебного обряда находим у А.В. Балова и С.Я. Дерунова¹⁰⁵. Браки по сватовству преобладали на протяжении XIX в. Время свадеб было довольно четко определено традицией. Как известно, церковное законодательство запрещало заключение браков в определенные дни года. Этими правилами руководствовалось все православное население России, устраивая большинство свадеб в осенний и зимний «мясоеды». Осенний «мясоед», как известно, начинался с Успения (15 августа ст.ст.) и продолжался до Филиппова поста (14 ноября

¹⁰¹ ЭС. С. 19-20.

¹⁰² ЭС. С. 68, 70.

¹⁰³ РЖБН. С. 377-382.

¹⁰⁴ Паршина, В. А. Слова невыданка и неженим в Ярославском областном словаре Текст. / В. А. Паршина // Лексика ярославских говоров: тезисы выступлений на межвузовской научной конференции. Ярославль: ЯГПУ, 1994.-С. 29-30.

¹⁰⁵ Дерунов С.Я. Крестьянская свадьба в Пошехонском уезде // Труды Ярославского губернского статистического комитета. - Ярославль, 1869. - Вып. 5.- С. 101—133; РЖБН. С. 414-454.

ст.ст.). На сезонность свадеб большое влияние оказывали бытовые традиции крестьянского хозяйства, особенности ритма трудовой жизни. Согласно данным Анны Васильевны Бокаревой (девичья фамилия – Смирнова, 1907 г.р., родом из д. Борщевка.), с осени, когда оттреплют лён, с Филиппова поста начинались беседы. На беседах, которые были привычным времяпрепровождением молодежи, девушки вязали, пряли: «Собирались по ряду. Народ рассаживался по лавкам. Приходили парни из других деревень. Парень сидит на коленях у приглянувшейся девушки, когда она устанет, садится к нему на колени»¹⁰⁶.

Порядок организации свадьбы был чётко определен. Сначала приходила сваха (сватунья), которая договаривалась с родителями невесты. Потом происходило богомолье, которое показывало, что сговор состоялся. Перед венчанием приезжал свадебный поезд - невеста начинала реветь. На внешнем углу дома вывешивалась красота. Когда невеста ревела, изба была полна народу. Жених заходил с дружкой, открывал невесту, брал её за руки. А дружка выводил из дому вступающих в брак, взяв их за руки. Невесту сажали в повозку. А потом проверяли «то ли взяли». Жених с невестой ехали в церковь в разных санях (или повозках).

Когда жених едет за невестой, к нему домой привозят приданое (одежда невесты, скатерти в сундуках). На свадьбе все гости смотрели приданое, разложенное на столе. В это время приговаривали: «Наша невеста не по лесу ходила, не шишки собирала, а сидела – рукодельничала». Известно, что в свадебной обрядности и поэтических текстах девичья красота воплощалась в самых разнообразных предметах и образах: это могла быть девичья коса, коса из льна или просто кудель, алая лента или связка лент, девичий головной убор или весь наряд, украшенное деревце, в том числе ёлочка, специальный свадебный пирог. Так или иначе, все эти воплощения соотносились с традиционными представлениями о девушке и девичестве. В свадебных приговорах при выносе красоты-деревца перед жениховой стороной оно выступает как метафора девичьего сообщества с оставившей его невестой: «Уж ты елка, наша сосенка, / Да зеленая, да кудрявая ...»¹⁰⁷ По рассказам информаторов, девушки носили «красОту» – наряженную ёлочку¹⁰⁸. Свадьбы устраивались в зависимости от достатка. Самоходкой уходили, по мнению информаторов, чтобы не делать свадьбы¹⁰⁹.

Старожилы Пошехонского района помнят часть примет, связанных с родильно-крестильной обрядности. Например, приметы на пол будущего ребенка «Острый живот – к мальчику, живот круглый к девочке, пигментные пятна на лице наподобие усов – к мальчику». Ранее фиксировались такие поверья: если «тяжелая» женщина будет присутствовать при чистке колодца, то вода в нем сделается «дурной»¹¹⁰. Беременную не приглашали в кумы: это повредило бы ребенку, которого крестят. Ее не приглашали быть свахой: у невесты будет тяжелая жизнь. Считалось, что, если жатву откроет беременная, вся жатва будет тяжелой. Запреты родового периода были основаны на представлениях о том, что будущему ребенку могут повредить те или иные обстоятельства. Про

¹⁰⁶ [Материалы экспедиции 1993 года].

¹⁰⁷ *Мадлевская Е.Л.* Русская мифология. Энциклопедия — СПб.: Мидгард, 2005 // <https://info.wikireading.ru/36871> (дата обращения: 23.03.20022).

¹⁰⁸ *Гвоздикова Л.С., Шаповалова Г.Г.* "Девья красота" (картографирование свадебного обряда на материалах Калининской, Ярославской, Костромской обл.) // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С.264-277.

¹⁰⁹ [Материалы экспедиции 1993 года].

¹¹⁰ *Балов А.В.* Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // ЭО. 1890. № 3. С. 91.

родившую женщину говорили, что она «оговорила», «раскуталась». Через два-три дня она принималась за свои домашние дела¹¹¹. Люлька (зыбка¹¹²) была приспособлением для сна и укачивания ребенка. Люльки делали в виде деревянного прямоугольного ящика, сужающегося ко дну; лубяного короба овальной или прямоугольной формы, корзины, плетеной из веток ивы, лучины, а также в виде деревянной рамы, обтянутой холстом. Люльки имели две полукруглые ивовые дужки, за которые их подвешивали к длинной гибкой палке, врубленной в потолочную балку¹¹³. На дно колыбели укладывали солому, сено, тряпки, покрытые куском холста, а под голову — подушку, набитую соломой. Люлька имела полог, оберегавший младенца от мух и комаров. По свидетельству А.В. Балова, в Пошехонском уезде в конце 80-х гг. XIX в. крестьяне верили, что нельзя качать люльку, когда в ней нет ребенка: «ребенок от этого непременно умрет»¹¹⁴. В источниках приводятся записи заговоров от болезней младенца¹¹⁵.

Роды принимала старуха (баушка-повитуха). Кровать родихи обсыпали льняным семенем. Старуха приходила по три вечера. В дар бабке давали что-то (на платье, например). Крестили ребенка на 3-й день, до этого старались новорожденного не показывать. Мать новорожденного в церковь не ходила. Крёстными младенца чаще всего были молодые люди (иногда младшие братья и сестры родителей). Сначала было запрещено сочетаться браком кумам, потом это запрет потерял свою силу¹¹⁶.

Похоронно-поминальная обрядность сопровождалась соблюдением ряда правил. Так, обмывать умершего должны были чужие, мыть пол – чужие. Для того, чтобы оповестить соседей, на угол дома вешали так называемое полотенце – кусок ткани, который висел здесь до 40 дня. Одежду для погребения «припасали» заранее – кальсоны, рубашка для мужчин; белье и платье для женщин. Саван был элементом погребальной одежды. По рассказам информаторов, обычай хоронить в саване сохранялся у значительной части населения до 50-х гг. двадцатого столетия. В доме покойного клали головой в передний угол, ногами к дверям. Хоронили на 3-4-ый день. Первому, кто попадался на пути похоронной процессии, жертвовали «встречу» (полотенце, платок, ранее – кусок холста). Ритуальным блюдом была кутья из пшеницы. Уходя с поминок, по воспоминаниям старожилов, никого не благодарили. Поминали умерших обычно на 9-ый, 20-ый, 40-ой день. Временем поминовения были родительские субботы и години¹¹⁷.

В первой половине XIX в. заметную роль в похоронно-поминальной обрядности играли причитания (плачи), которые «исполняли» родственники умершего или специально приглашенные «вопленицы». Исследователями замечено, что причитания, как и большинство других жанров фольклора, имеют две стороны - бытовую и эстетическую¹¹⁸. В плачах отражены элементы истории, материальной культуры, древних обычаев, верований и культов. В то же время причитания являются поэтико-драматическими произведениями со свойственными только им специфическими чертами, символикой и системой образов. Обладая особенностями языковой и стилистической структуры, похоронная причетъ имела значительную художественную ценность. Как пишет К.В. Чистов, «постоянная взволнованность помогала творцам причети отыскивать

¹¹¹ Балов А.В. Рождение и воспитание детей... С. 94.

¹¹² Копорский С.А. О говоре Севера Пешехоно-Володарского уезда Ярославской губернии : (материалы и наблюдения). - Ярославль : Яросл. педагогич. ин-т, 1929 (тип. Трудкол. ЯГОТ). С. 120.

¹¹³ РБМ-13364/31. Д-550.

¹¹⁴ Балов А.В. Народные суеверия и предрассудки в Пошехонском уезде // ЯГВ. 1888. № 43.

¹¹⁵ Якушкин Е. Молитвы и заговоры в Пошехонском уезде. Ярославль, 1869. С.2.

¹¹⁶ [Материалы экспедиции 1993 года].

¹¹⁷ [Материалы экспедиции 1993 года].

¹¹⁸ Гусев В.Е. Эстетика фольклора. Л.: Наука, 1967. С. 79.

наиболее выразительные слова, заставляла их подниматься до предельных высот поэтического выражения человеческих чувств»¹¹⁹. О бытовании обычая причитать в конце XIX в. писал А.В. Балов¹²⁰.

Традиция регламентировала достаточно четко обязательность участия в празднике, который являлся видом общественной обязанности. Обязательность празднования вытекала из принадлежности к социальной группе и признания ее ценностей. Не случайно в программу В.Н. Тенишева были включены следующие вопросы: «Замечают ли соседи, когда кто-нибудь из крестьян не принимает участия в праздниках и как к этому относятся? Кому из семьи ставится в обязанность быть на празднествах и кто может отсутствовать?»¹²¹. Замечено, что праздники служили проверкой прочности социальных связей и способствовали укреплению семейных и родственных уз. Традиционное крестьянское застолье было призвано подтвердить статус всех членов сообщества, поскольку каждому гостю хозяева оказывали прием в соответствии с его местом в системе родства или свойства¹²².

А. Архангельский сообщал, что храмовые праздники продолжаются от трех до пяти дней в целом приходе, обещанные празднуются только один день¹²³. Ряженье на святки и на масленицу, катание на лошадях¹²⁴ составляли круг развлечений для жителей уезда. Зимнее время, приуроченное к святкам (с 25 декабря по 6 января по ст.ст.), считалось одним из наиболее подходящих периодов для славления, колядования, гаданий. В святочных развлечениях традиционно преобладала тема брачного союза. В конце XIX - начале XX в. гадания, как правило, посвящались двум важнейшим темам, объединенным в жизни людей: теме земли и урожая и теме личной жизни, судьбы человека, его брачного союза.

Описывая коммуникативные практики русской традиционной культуры, следует отметить собственно взаимоотношения, которые существовали в семейном и соседском кругах. А. Архангельский отмечал: «*В сношениях здешних крестьян с соседями видны большое благоразумие и доброжелательство... с плачущимися плачут, с весёлыми радуются... Народ деятелен и трудолюбив, сметлив, смышлен... Добрые качества здешних жителей суть: набожность, благотворительность, гостеприимство*»¹²⁵.

Заслуживают внимания приведенные А. Архангельским пословицы и поговорки – паремические произведения, то есть краткие образные изречения, которые живут в разговорной речи. Обладая особым композиционным строем, многие из них появились в результате наблюдения над жизнью природы и людей, отклика на семейные отношения, на общественные взаимоотношения. Они содержат следующие суждения: «*Как тонет, топор сулит, а вытащил, так и топорница жаль*», «*Каков Сава, такова ему и слава*», «*Испустя лето в лес по малину пошёл*», «*Мысли за горами, а смерть за плечами*», «*На вдовый двор хоть щепку брось*», «*Он пошёл через Юг на Маткому*», «*Помаленьку и ольху*

¹¹⁹ Чистов К.В. Русская причеть // Причитания. Л.: Сов. писатель, 1960. С. 7.

¹²⁰ РЖБН. С. 521.

¹²¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этногр. бюро князя В.Н. Тенишева : (На примере Владимирской губернии) / Авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. - СПб. : Изд-во Европ. Дома, 1993. С. 379.

¹²² Кабакова Г.И. Родня за столом // Категория родства в языке и культуре / Отв. редактор С.М. Толстая. — М.: Индрик, 2009. С. 159.

¹²³ ЭС. С. 35.

¹²⁴ Дерунов С.Я. Масленица в Пошехонском уезде // ЯГВ. 1870. 12 февр., № 13. С. 50-51.

¹²⁵ ЭС. С. 47-48.

согнешь, а вдруг, так и вяз переломишь», «Со лжи люди не мрут, да впредь им веры неймут», «Хорош бы парень, да губка с дырой»¹²⁶.

Заслуживают упоминания характеристики своих современников, приведённые С.Я. Деруновым: «Каждый человек в жизни и в личных отношениях к другим носит отпечаток мирового разнообразия... Наш народ «великий незнакомец» ... Наш народ добродушен и вежлив, но когда он недоволен – неприязненный, невежливый и относится с презрением»¹²⁷.

Существенной характеристикой русской крестьянской ментальности были ценностно-смысловое отношение к труду, сосредоточенность человека на своем деле, долге, как способность противостоять жизненным событиям, погодным катаклизмам. Отсюда такие характеристики отношения к труду – «Скрёсу не знаешь», «Спишь под шапкой», «Ловкость в работе – и в корню, и в припряжке»¹²⁸. С.Я. Дерунов писал: «Вообще крестьяне, оберегая свою честь, стараются трудиться, чтобы не прослыть лентяем и мотыгой, а также не остаться должником из соседей. Каждый старается не слыть лжецом и обидчиком, а также не нажить слова, что он не крестьянин, а прощельга и самознайка. Самую лучшую сберегательницей чести крестьянин считает трудовую жизнь»¹²⁹. У С.Я. Дерунова находим сведения о гостеприимстве, хлебосольстве, соседских отношениях и мирской помощи¹³⁰

Рассматривая отношения крестьян в семье, следует упомянуть о таком явлении, как принятие зятя в дом. В областной лексике находим интересные диалектизмы, характеризующие ситуацию, когда зять приходил жить в дом родителей своей жены. В Пошехонском и Мологском уездах молодого мужа называли в таком случае **домовиком**, в Новленской волости Пошехонского уезда существовал еще один своеобразный термин - "**влазень**"¹³¹. В пословицах и поговорках отразились представления о примаках: «Чуж чуженин, а стал семьянин», «На хлеб едока, на печь лежня, а на себя нарядчика», «Бери зятя в дом, носи Бога вон», «Зять в дом - и иконы вон»¹³². А. Архангельский приводит такую пословицу: «С сыном бранись, за печку держись, а с зятём бранись, за скобку держись»¹³³.

Язык сохранял особенности «цензуры коллектива» относительно внешности и необходимых в повседневной жизни умений. Оценочная лексика, характеризующая внешность женщины, представлена в «Ярославском областном словаре» довольно большой и однородной группой слов. Положительная и отрицательная оценка лица соотносится с такими признаками, как «красивая - некрасивая», «аккуратная - неаккуратная», «опрятная - неопрятная», «модная - немодная», «причесанная - непричесанная» и др. Все эти признаки с положительной оценкой включает в себя семантически емкое прилагательное *басый*. Аналогичное значение имеют диалектизмы *срядиха / средиха* и *наряженка*. Замечено, что слова, объединенные противоположным

¹²⁶ ЭС. С. 65, 67, 69, 71, 73.

¹²⁷ РЖБН. С. 568.

¹²⁸ Сметанина З.В. Фразеологические единицы, характеризующие человека по его способности и отношению к труду (на материале ярославских и костромских говоров) // Проблемы региональной лингвистики: Тезисы докладов и сообщений межвузовской научной конференции, посвященной памяти профессора Г.Г. Мельниченко (Ярославль, 26-27 октября 1995 г.). Ярославль, ЯГПУ, 1996. С. 43-44.

¹²⁹ РЖБН. С. 569.

¹³⁰ РЖБН. С. 571

¹³¹ Копорский С.А. О говоре севера Пошехонно-Володарского уезда Ярославской губернии: Материалы и наблюдения // Труды Ярославского государственного педагогического института. 1929. Т. 2. С. 109.

¹³² Даль В.И. Пословицы русского народа в 2-х тт. М.: Художественная литература. Т. 2. С. 159,161.

¹³³ ЭС. С. 72.

семантическим компонентом, представляют собой более разветвленную группу слов. Так, женщину, которая была плохо, небрежно, неаккуратно одета, могли называть *акулиной*, *заскребой*, *кулемой*. *Кулимакой* могли называть (дразнить) ту, что была неуклюжей и одевалась безвкусно. Грязнулю, замарашку и неряху называли *зачупахой*, *валявкой*, *нехалевой* и *мазанкой*. «*Неражуха*», - говорили о некрасиво одетой женщине¹³⁴. Характеристики «*затетёха*» и «*кувалда*» также имели отрицательную коннотацию¹³⁵.

В традиционной культуре заметное место принадлежало так называемым деревенским святыням, в число которых относились почитаемые места, связанные с историей местности¹³⁶.

Былички о домовом¹³⁷, лешем, водяном, овиннике, полуднице и кикиморе бытовали в конце XIX в.¹³⁸ О связи мельника с водяным писал в конце XIX в. А.В. Балов: «В некоторых местах крестьяне верят, что, построив новую мельницу, мельник сталкивает в воду в жертву водяному какого-нибудь запоздалого путника. Жертва избирается обыкновенно «под хмельком», и все концы благодаря этому, скрываются в воду: сам виноват. После такой жертвы водяной, говорят, никогда не разломает построенную мельницу»¹³⁹. Еще одним персонажем, связанным с низшей мифологией были кикиморы, которые *«имеют вид маленьких безобразных старушонки. Всякий, кто видел их, видел за копылом. Прядут они, подпрыгивая. Могут, не влюбив хозяев, выщипывать перья у кур. Для предохранения вешают красные тряпочки, рыльце от разбитого умывальника или камень с дырочками»*¹⁴⁰. Описание таких камней – «куриных богов» – на материалах Костромской губернии приводит С.В. Рябинцев¹⁴¹. Урошные камни – камни с дырочками – в народной медицине использовались довольно широко. Знахарки и знахари «слитою с них водою опрыскивают больных»¹⁴².

Относительно долго в крестьянской среде бытовали суеверия и представления о людях, владеющих особым знанием¹⁴³. В памяти старожилов сохраняется немало тому свидетельств. Например, жительница д. Князево Анна Васильевна Бахирева (1907 г.р.) рассказывала: «что нечистая сила постоянно находится возле человека. Слова «*черт*» нельзя говорить ни в коем случае: «*пес*», «*черный*». Информатор рассказала быличку:

¹³⁴ Гаврилова В.Л. Слова, характеризующие женщину по ее внешности, в Ярославском областном словаре // Лексика ярославских говоров. Тез. выступлений на межвуз. науч. конф. Ярославль, 1994. С. 26-29.

¹³⁵ ЭС. С. 6.

¹³⁶ Альквист А. О древних элементах культурной среды современной российской провинции (на примере культовых камней Ярославского края) // Роль творческой личности в развитии культуры провинциального города. Ярославль, 2004. С. 99—114; Киселев А. В. Почитание деревенских святынь в народной культуре (по материалам северных уездов Ярославской губернии XIX — начала XX века) // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / Гл. ред. Г.В. Судаков. Сост. С.А. Тихомиров. — Вологда: Книжное наследие, 2007. — С. 546-553.

¹³⁷ Левкиевская Е.Е. Домовой // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики; Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995-2014. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999, С. 120-124; Запорожец В. В. Домовые Пошехонья // Живая старина. - 2005. - № 3 (июль-сентябрь). - С. 37-40.

¹³⁸ РЖБН. С. 197-201.

¹³⁹ Отдел рукописей РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1779. Л.4.

¹⁴⁰ Отдел рукописей РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1779. Л.4об.

¹⁴¹ Рябинцев С.В. Вера костромских крестьян в «куриного бога» (по материалам Костромского музея-заповедника) // Музейный хронограф 2012. Сб. статей и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника / ОГБУК «Костромской музей-заповедник». Кострома: Костромаиздат, 2012. С.67-68.

¹⁴² Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии / Сост. Е.И. Якушкин. Ярославль, Типография губернского правления, 1896. С. 38.

¹⁴³ РЖБН. С. 197-201.

«Дядя Василий (ее односельчанин) зашел в кабачок выпить. Зашел, выпил винца. Пошел домой. Встретил по дороге друга (он ведь, пес, человеком может прикидываться...), тот говорит: «Пошли в кабак». Пошли. Идут-идут, дорога длинная. Только сказал дядя Василий: «Господи, благослови», – очутился в проруби. Вот как он, нечистый, с людьми поступает. Все надо с молитвой делать». Еще один рассказ записан от Константина Ивановича Грибова (1921 г.р.): «В деревне был мельник, звали его «колдун да колдун». Едет обоз свадебный, он по хребту лошадь стукнет: не идут лошади. Вот идут к нему с четвертной самогона. Он стукнет – опять поедут. Этот мельник – Демид Сергеевич Костин – мог и по-другому делать. Не позовут его на свадьбу, и вот сидят гости – не едят, не пьют, дуются. Идут к нему: «Дема, отпусти». «А-а, поклонились...» – говорит. Нагнулся, вынул нож из стола. Воткнул был... Слова знали. Их было три брата – Петр, Сергей, Демид»¹⁴⁴.

Фольклорная традиция в Ярославском крае, по мнению специалистов, развивается по тем же законам, что и весь русский фольклор, когда отмечаются общие тенденции затухания традиционных жанров в целом. Эпическая и сказовая традиция остаются фактом далекого прошлого. Обрядовый фольклор представляет собой сложное многожанровое явление, включающий календарный и свадебный циклы. В календарном фольклоре выделяют колядки, масленичные песни, веснянки, троичко-семицкие, купальские и жнивные песни. К свадебному циклу относят заговоры, причитания, свадебные песни, приговоры дружки. В настоящее время обрядовый фольклор в основных своих формах если и не забыт, то заметно трансформирован¹⁴⁵.

Свадебный фольклор в современных условиях обнаруживает большую степень сохранности. Старожилы удерживают в памяти старинные «опевошные» песни: «Земляничка, зрела ягодка...», «Как по блюду, блюдечку...», «А кто у нас моден? Уж на ком, на ком кудри русые...», «Не сырой ли дуб разгорается...». Среди лирических свадебных песен «Течет речка не сколыхнется...», «Как у нас во чистом поле завяли алые цветы», «Не в трубоньку трубила...» – почти все зафиксированные свадебные песни имеют варианты в классических сборниках и встречаются в других регионах центральной и северной России.

Наиболее популярными жанрами остаются песенные, в составе которых отчетливо выявляются романсы и переделки литературных песен, а также массовые современные песни. Пассивным элементом традиции являются частушки. Специалисты отмечают, что речевые жанры (паремии – краткие образные изречения, которые живут в разговорной речи, и анекдоты) остаются продуктивной формой, как и детская устная поэзия, в которой мифологический и игровой элементы органично связаны с коммуникативным началом¹⁴⁶.

Подводя итоги, отметим, что на протяжении столетий традиционная материальная культура в Пошехонском крае менялась. Трансформировались и планировка (в конце XIX в. чаще используется однорядная связь, появление пятистенков и шестистенков), и материал покрытия (дранка, тес и т.д.), и декоративное убранство жилища. Претерпевали определенные изменения и отличавшиеся целесообразностью хозяйственные постройки. Анализируя материальную культуру Пошехонья следует в очередной раз подчеркнуть её тяготение к севернорусской традиции.

¹⁴⁴ [Материалы экспедиции 1992 года].

¹⁴⁵ Песни и сказки Ярославской области : сборник / вст. ст. С. Минц, Э. Померанцевой. – Ярославль: Кн. изд-во, 1958.

¹⁴⁶ Астахова Е. А. Ярославский фольклор: традиции и новизна / Е. А. Астахова // Роль образовательных учреждений в сохранении и развитии культурных традиций : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Яросл. училища культуры. – Ярославль : [б. и.], 2010. - С. 5-7.

Испытывая заметное влияние города, крестьянская одежда изменилась к началу XX в., претерпев особенно заметную трансформацию в пореформенный период. Сфера домашнего производства в это время заметно сокращается, как и кустарные производства. Устное народное творчество развивается по схеме, типичной для многих регионов России. Наиболее популярными жанрами остаются песенные и речевые жанры (паремии и анекдоты), детская устная поэзия.